

Памяти С. С. Корсакова.

I.

Рѣчь, произнесенная въ экстренномъ засѣданіи Психологическаго Общества 6 мая 1900 года.

Не успѣло еще ослабѣть гнетущее впечатлѣніе отъ безвременной кончины В. П. Преображенскаго,—и вотъ опять разразилось надъ нами новое горе: сошелъ въ могилу одинъ изъ лучшихъ русскихъ людей. Кончина С. С. Корсакова тяжелымъ камнемъ ляжетъ на многія и многія сердца нашего обширнаго отечества. Высокій и свѣтлый духъ отлетѣлъ отъ насъ! Дать яркую и полную характеристику личности и дѣятельности покойнаго, особенно когда пережитое впечатлѣніе еще такъ болѣзненно живо,—задача едва ли выполнимая. Вѣдь вообще наше бѣдное человѣческое слово гораздо болѣе приноровлено для выраженія относительности и границъ вещей; но оно оказывается слабымъ и тусклымъ орудіемъ, когда нужно изобразить всю широту ихъ положительныхъ свойствъ и совершенствъ. С. С. Корсаковъ былъ замѣчательнымъ ученымъ, неизгладимыми буквами вписавшимъ свое имя въ исторію русской и общеевропейской науки. Онъ былъ глубокимъ и оригинальнымъ мыслителемъ, умѣвшимъ соединить въ своемъ міровоззрѣніи серьезное признаніе духовнаго начала всемірной и человѣческой жизни съ строгимъ реализмомъ натуралиста. Онъ былъ неутомимымъ, энергичнымъ и страстнымъ общественнымъ дѣятелемъ, за

которымъ навсегда останется та историческая заслуга, что онъ, съ небольшимъ кружкомъ своихъ друзей, во все продолженіе своей жизни и словомъ, и дѣломъ проводилъ на практикѣ великое правило: къ душевно-больнымъ можно и должно относиться, какъ къ людямъ, и душевныя болѣзни можно лѣчить безъ насилія. Наконецъ, его дѣятельность далеко переходила за предѣлы его специальности. Всегда отзывчивый къ чужой нуждѣ и горю, много труда и заботъ положилъ онъ на помощь учащейся молодежи въ борьбѣ съ ея самыми печальными язвами: бѣдностью и беззащитностью; не менѣе потрудился онъ для объединенія русскихъ медицинскихъ силъ въ общей научной работѣ и для упроченія за русскими учеными изслѣдованіями высокаго и почетнаго мѣста въ научномъ движеніи другихъ европейскихъ странъ.

Все это мы знаемъ о немъ; но знаемъ также, что сказать о немъ только это, значитъ не сказать самаго главнаго. Несравненная сила С. С. Корсакова заключалась въ его чрезвычайно своеобразной и мощной нравственной личности. Мнѣ кажется, онъ смѣло можетъ занять мѣсто рядомъ съ величайшими русскими филантропами, какимъ, на примѣръ, былъ знаменитый докторъ Гаазъ. Правду сказали о С. С. Корсаковѣ въ рѣчахъ, произнесенныхъ надъ его могилой: онъ не былъ похожъ на другихъ людей; въ его дѣятельности надъ нимъ совсѣмъ не имѣли власти мотивы личнаго самолюбія, тѣмъ болѣе честолюбія или личнаго разсчета. Единственными двигателями его непрерывныхъ, неуспянныхъ, огромныхъ трудовъ были самоотверженное сознаніе долга и душевная жалость къ чужому страданію. Предъ этими побужденіями для него все смолкало. Это былъ человѣкъ необычайной доброты и сердечности, въ самомъ глубокомъ смыслѣ этихъ словъ. Я даже не могу представить себѣ, было ли въ его душѣ что-нибудь похожее на обыкновенный эгоизмъ,

и чѣмъ оно въ немъ проявлялось? Слава о его феноменальномъ безкорыстїи гремѣла во всей Москвѣ, да и не въ одной Москвѣ. Онъ пользовался всѣми возможными и даже совсѣмъ невозможными предлогами, чтобы не взять вознагражденїя за свою помощь. Напротивъ, сколькоимъ своимъ паціентамъ онъ помогаль, отдавая имъ свои кровныя деньги! Я не знаю, какою цифрой нужно опредѣлить число людей, которые считали С. С. Корсакова своимъ благодѣтелемъ. При мягкости и кротости онъ умѣль совершать свои благодѣянїя такъ деликатно, что въ сердцахъ облагодѣтельствованныхъ имъ лицъ не оставалось ничего кромѣ самой восторженной признательности, иногда переходившей въ настоящее обожанїе. Однимъ только онъ приводилъ своихъ признательныхъ поклонниковъ въ недоумѣнїе, иногда чуть не въ отчаянїе: онъ совсѣмъ не выносилъ выраженїй благодарности. Въ такихъ случаяхъ онъ смущался, терялся, даже серьезно огорчался. Сколько разъ отъ него приходилось скрывать горячія просьбы поблагодарить его! Приходилось молчать, какъ будто о немъ было извѣстно что-то дурное. Эта его поразительная мягкость, безграничная деликатность, своеобразное духовное цѣломудріе странно соединялись въ немъ съ огромною силою воли и желѣзной твердостью убѣжденїй при необыкновенной нравственной чуткости. О немъ вѣрно сказали: онъ былъ воплощенною совѣстью для близкихъ къ нему людей. Онъ ни въ комъ не терпѣль компромиссовъ со зломъ, — ни въ себѣ, ни въ другихъ.

Да, мы похоронили праведника! Пустыня становится жизнь послѣ такихъ потерь. И все же счастлива та страна, гдѣ рождаются такіе дѣятели! Еще болѣе счастлива она, если они не проходятъ безслѣдно, подобно блестящимъ метеорамъ. Будемъ твердо вѣрить, что московскїе психїатры надолго сохранять благородную традицію безконечной сострадательности покойнаго,

его самоотверженія, его шепетильнаго выполненія своего долга, его святого безкорыстія. Создать прочную школу такихъ дѣятелей,—вѣдь это будетъ лучшая земная награда для покойнаго и его самая крупная заслуга предъ своей родиной.

Л. Лопатинь.

II.

Рѣчь, произнесенная на могилѣ С. С. Корсакова 4 мая 1900 г.

„Послѣднее прости пришли мы сказать тебѣ, дорогой товарищъ и другъ! Устало и перестало биться твое благородное сердце. Велика и славна была его работа! Много, безконечно много любви къ ближнимъ несло оно, не знавшее ни зависти, ни злобы, ни ненависти, всѣмъ прощавшее и лишь затаенною болью отзывавшееся на дѣла недостойныя и чувства недобрыя. Сколько вынесло оно, соболѣзнуя страданіямъ и горю всѣхъ прибѣгавшихъ къ тебѣ—и больныхъ, и здоровыхъ! Сколько заботъ самоотверженныхъ испытало оно въ твою жизнь, всецѣло посвященную служенію ближнимъ! И ближніе твои отвѣчали тебѣ своею горячею любовью. Твоя чистая душа была чужда обще-человѣческихъ слабостей и пороковъ, и всѣ, приближавшіеся къ тебѣ, невольно очищались духовно. Къ тебѣ никто не могъ подойти съ дурными мыслями или чувствами. Ты былъ нашею живою совѣстью!

Но не однимъ сердцемъ поднялся ты на нравственную высоту, доступную лишь немногимъ избранникамъ. Ясный и свѣтлый твой умъ освѣщаль тебѣ жизненный путь и будилъ въ тебѣ все новые и новые духовные интересы. Съ юныхъ лѣтъ ты выработалъ себѣ строгія нравственныя правила и слѣдовалъ имъ всю жизнь! Съ юныхъ лѣтъ ты упорно трудился, не переставая обогащать свой умъ знаніями, и развилъ въ себѣ такую глубину, силу и неустанность мысли, предъ которыми